

THE EVOLUTION OF CHINA'S RELATIONS WITH MIDDLE EASTERN COUNTRIES: THE CASES OF IRAN AND SAUDI ARABIA

Khusan Ulugbekovich Mirzabekov

Independent Researcher

Tashkent State University of Oriental Studies

husan190619@gmail.com

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: China, Middle East, Iran, Saudi Arabia, Belt and Road Initiative (BRI), diplomatic mediation, free trade (FTA with GCC), energy security, non-interference, geoeconomics, Vision 2030.

Received: 20.07.26

Accepted: 21.07.26

Published: 22.07.26

Abstract: This article examines the evolution of the People's Republic of China's relations with Middle Eastern countries from 2013 to 2026, with a particular focus on the key cases of Iran and Saudi Arabia. Initially centered on energy and trade cooperation, China's engagement has gradually shifted toward a more prominent diplomatic role, clearly demonstrated by its mediation in the restoration of relations between Riyadh and Tehran in 2023.

The study explores geo-economic dimensions (the Belt and Road Initiative (BRI), negotiations on a free trade agreement with the Gulf Cooperation Council), diplomatic initiatives, the limitations of the non-interference principle, and the impact of both domestic and global factors.

Based on an analysis of academic literature, official documents, and recent developments, the article concludes that China effectively balances between regional rivals, strengthening its economic presence and soft power, while avoiding deep involvement in security issues and remaining within the framework of its traditional foreign policy doctrine.

XITOYNING YAQIN SHARQ MAMLAKATLARI BILAN MUNOSABATLARI EVOLYUTSIYASI: ERON VA SAUDIYA ARABISTONI MISOLIDA

Xusan Ulugbekovich Mirzabekov

Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti

Mustaqil izlanuvchisi
husan190619@gmail.com
 Toshkent, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: Xitoy, Yaqin Sharq, Eron, Saudiya Arabistoni, "Bir kamar, bir yo'l" (BRI), diplomatik vositachilik, erkin savdo (GCC bilan FTA), energetik xavfsizlik, aralashmaslik, geoiqtisodiyot, Vision 2030.

Annotatsiya: Maqola Xitoy Xalq Respublikasining Yaqin Sharq mamlakatlari bilan 2013–2026 yillar oralig'idagi munosabatlari evolyutsiyasini tahlil qilishga bag'ishlangan bo'lib, unda Eron va Saudiya Arabistoni asosiy misollar sifatida ko'rib chiqiladi. Asosan energetika va savdo hamkorligiga tayanib kelgan munosabatlar asta-sekin Xitoyning diplomatik rolini kuchaytirish tomon rivojlandi. Bu jarayon ayniqsa 2023-yilda Ar-Riyod va Tehron o'rtasidagi munosabatlarni tiklashda Xitoyning vositachilik qilishi orqali yaqqol namoyon bo'ldi.

Tadqiqotda geo-iqtisodiy jihatlar (Bir kamar, bir yo'l tashabbusi, Fors ko'rfazi arab davlatlari hamkorlik kengashi bilan erkin savdo bitimi bo'yicha muzokaralar), diplomatik tashabbuslar, aralashmaslik tamoyilining cheklovlari, shuningdek, ichki va global omillarning ta'siri ko'rib chiqiladi.

Adabiyotlar, rasmiy hujjatlar va dolzarb voqealar tahlili asosida Xitoy mintaqadagi raqib davlatlar o'rtasida muvozanatni muvaffaqiyatli saqlayotgani, iqtisodiy ishtiroki va "yumshoq kuch"ini mustahkamlayotgani, biroq xavfsizlik masalalariga chuqur aralashishdan tiyilib, o'zining an'anaviy tashqi siyosat doktrinasi doirasida harakat qilayotgani xulosasi chiqariladi.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ПРИМЕР ИРАНА И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Хусан Улугбекович Мирзабеков
 Исследователь Ташкентского государственного университета
 востоковедения
husan190619@gmail.com
 Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, Иран, Саудовская Аравия, «Один пояс, один путь» (BRI), дипломатическое посредничество, свободная торговля (FTA с ССАГПЗ), энергетическая безопасность,

Аннотация: Статья посвящена анализу эволюции отношений Китайской Народной Республики со странами Ближнего Востока в период с 2013 по 2026 год, с особым акцентом на ключевые примеры Ирана и

невмешательство, геэкономика, Vision 2030.

Саудовской Аравии. От преимущественно энергетического и торгового партнёрства Китай постепенно перешёл к более заметной дипломатической роли, ярко проявившейся в посредничестве при восстановлении отношений между Эр-Риядом и Тегераном в 2023 году. Исследование рассматривает геэкономические аспекты (инициатива «Один пояс, один путь» — BRI, переговоры по соглашению о свободной торговле с ССАГПЗ), дипломатические инициативы, ограничения принципа невмешательства, а также влияние внутренних и глобальных факторов. На основе анализа литературы, официальных документов и актуальных событий делается вывод, что Китай успешно балансирует между региональными соперниками, укрепляя экономическое присутствие и мягкую силу, но избегает глубокого вовлечения в вопросы безопасности, оставаясь в рамках своей традиционной внешнеполитической доктрины.

Введение. В последние годы страны Ближнего Востока, особенно государства Персидского залива, активно развивают отношения с Китаем. Уже в 2013–2014 годах наблюдался всплеск высокопоставленных визитов: король Бахрейна, наследный принц Саудовской Аравии, президент Ирана Хасан Роухани и другие лидеры посетили Пекин [1]. Эти контакты отражали стремление региональных акторов диверсифицировать внешнюю политику и вовлечь растущую сверхдержаву в региональные процессы.

Китай, в свою очередь, видит в Ближнем Востоке важный источник энергоресурсов, рынок для своих товаров и инфраструктурных проектов, а также площадку для демонстрации альтернативной модели международных отношений. Однако интерес Пекина к широкой роли в сфере безопасности остаётся ограниченным. Основной фокус - коммерческое присутствие и геэкономическое влияние через инициативу «Один пояс, один путь» (BRI). Ярким примером эволюции стало посредничество Китая в нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией в марте 2023 года, что ознаменовало переход от пассивного экономического партнёра к активному дипломатическому игроку [2].

Цель статьи - комплексно проанализировать эту эволюцию на примере двух ключевых государств, выявить движущие силы, ограничения и перспективы китайской политики в регионе.

Литература по теме делится на несколько направлений. Ранние работы (2013–2016 гг.) фокусировались на энергетической зависимости Китая от региона и диверсификации поставок нефти [3]. С запуском BRI в 2013 году акцент сместился на геоэкономику: синергию BRI с национальными стратегиями, такими как саудовская Vision 2030 [4].

После 2023 года исследования подчёркивают дипломатический поворот: китайское посредничество в саудовско-иранском сближении рассматривается как демонстрация «меняющегося глобального порядка» и вызова американскому доминированию [5]. Авторы отмечают, что Пекин сохраняет нейтралитет, используя экономическую мощь и принцип невмешательства [6] (Duchâtel et al., 2014; обновлённые анализы 2025–2026 гг.).

Отдельные работы посвящены переговорам по FTA с ССАГПЗ (начаты в 2004 году, активная фаза в 2025–2026 гг.), внутренним вызовам Китая (Синьцзян, уйгурский вопрос) и адаптации к региональным рискам (эвакуация из Ливии, угрозы проектам BRI). Современные источники (Reuters, Xinhua, 2025–2026) отражают текущие тенденции: призывы Китая завершить FTA на фоне протекционизма, трёхсторонние встречи по реализации соглашения 2023 года и роль специального посланника Китая по Ближнему Востоку (Zhai Jun, 2026).

Исследование носит качественный характер и основано на комплексном анализе вторичных источников. Использованы:

- Официальные документы (совместные заявления Китая, Ирана и Саудовской Аравии, документы BRI, материалы China-Arab States Cooperation Forum).
- Академические статьи и аналитические отчёты (Chatham House, SIPRI, Atlantic Council, Carnegie Endowment и др.).
- Новости и заявления СМИ (Xinhua, Reuters, China Daily, 2013 – 2026 гг.).
- Статистические данные по торговле, инвестициям и энергетике (EIA, китайская таможенная статистика).

Метод – историко-сравнительный анализ с элементами кейс-стади (Иран и Саудовская Аравия как контрастные, но взаимосвязанные примеры). Хронологические рамки: 2013 – 2026 годы (от первых массовых визитов до актуальных событий 2026 года). Это позволяет проследить динамику от экономического фокуса к дипломатическому.

Китай остаётся крупнейшим импортёром нефти из региона. Саудовская Аравия – один из главных поставщиков, а Иран, несмотря на санкции, сохраняет значимые

поставки. BRI стала платформой для инфраструктурных проектов: порты, железные дороги, нефтехимия. CNPC и другие компании расширили присутствие в ОАЭ, Саудовской Аравии и Иране.

Саудовская Аравия успешно синхронизировала BRI с Vision 2030, создав совместные предприятия в нефтехимии, возобновляемой энергетике и технологиях. Иран подписал 25-летний план сотрудничества (2021), хотя санкции ограничивают его реализацию. Переговоры по FTA с ССАГПЗ продолжаются более 20 лет; в 2025–2026 годах Китай активно призывает завершить их (Wang Yi, декабрь 2025), подчёркивая зрелость условий на фоне глобального протекционизма. Однако консенсус внутри ССАГПЗ и внутренние интересы китайских госкомпаний остаются препятствиями.

Ключевой поворот - март 2023 года: в Пекине Иран и Саудовская Аравия подписали соглашение о восстановлении дипломатических отношений (прерванных в 2016 году). Китай выступил хозяином и гарантом, опираясь на принципы уважения суверенитета и невмешательства. Это привело к «волне примирения» в регионе, снижению напряжённости в Йемене и улучшению отношений Ирака с соседями.

В 2025–2026 годах стороны подтвердили приверженность соглашению на трёхсторонних встречах. Китай продолжает направлять специального посланника (Zhai Jun) для деэскалации. В отличие от США, Пекин избегает военного присутствия, фокусируясь на экономической стабильности. Участие в ядерных переговорах по Ирану (JCROA) и осуждение эскалации в Газе дополняют картину сбалансированной позиции.

3. Ограничения и вызовы

- Принцип невмешательства: Китай не стремится заменить США как гаранта безопасности, ограничиваясь патрулированием Аденского залива и гуманитарными эвакуациями.

- Внутренние факторы: Уйгурский вопрос осложняет отношения с Турцией и некоторыми мусульманскими странами.

- Глобальная конкуренция: Рост напряжённости с США влияет на региональную политику, но Китай успешно балансирует.

- Региональная нестабильность: События 2025–2026 годов (включая эскалацию вокруг Ирана) показали уязвимость посреднических усилий, хотя Пекин продолжает предлагать конструктивную роль.

Результаты анализа показывают, что эволюция носит прагматичный и постепенный характер: от энергетической зависимости — к комплексному партнёрству с элементами

мягкой силы. Китай укрепил позиции в регионе, не вступая в прямую конфронтацию с традиционными игроками.

Заключение. Отношения Китая с Ближним Востоком значительно эволюционировали за последние 13 лет. На примере Ирана и Саудовской Аравии видно, как Пекин использует экономическую мощь и нейтралитет для дипломатических прорывов, одновременно продвигая BRI и торговые инициативы. Однако структурные ограничения (невмешательство, фокус на стабильности поставок) сохраняются. В будущем успех будет зависеть от прогресса ФТА с ССАГПЗ, способности управлять рисками и глобальной геополитической конъюнктуры. Китай демонстрирует модель «партнёрской дипломатии», альтернативную западному подходу.

Список использованной литературы:

1. Meidan, M. (2014). China in the Middle East: Where Rising Powers Fear to Tread. China-US Focus.
2. Mitchell, J. (2023). Asia's Oil Supply: Risks and Pragmatic Remedies. Chatham House.
3. Mitchell, J. (2023). Asia's Oil Supply: Risks and Pragmatic Remedies. Chatham House.
4. Chen, J. (2018). Aligning China's Belt and Road Initiative with Saudi Arabia's 2030 Vision. World Scientific.
5. Atlantic Council. (2024). A year ago, Beijing brokered an Iran-Saudi deal.